

Смерть Николая I: самоубийство, которого не было

Ю. А. Молин, Г. А. Воронцов

Обстоятельствам смерти императора Николая I посвящено много работ, но ясности в причине его смерти нет. Учеными рассматриваются две основные версии: официальная – государь скончался от простуды, вызвавшей паралич легких; «общественная» – император, не выдержав поражения в Крымской войне, покончил с собой (принял яд или сознательно «простудился», чтобы умереть). Есть еще и «народная» версия: «отравили царя-батюшку проклятые лекари-немцы»¹.

Многие историки, работавшие над этой темой, опираясь на мемуарные сведения, склонны поддерживать версию о самоубийстве, избегая, однако, делать категорические выводы. Только замечательный историк XIX века Н. К. Шильдер мнение выразил категорично: «отравился». Такое замечание он оставил на полях труда М. А. Корфа², против строк, где говорится, что «император Николай опочил от трудов своих смертью праведника». Исследователи до сих пор ссылаются на это утверждение, доверие к которому основывается на авторитете профессора Шильдера. Аргументации своего мнения ученый не оставил³.

Первая проблема, возникающая в связи с «загадкой смерти» Николая I, – хронологическая. Указывают на внезапность кончины. Согласно официальной версии, болезнь началась 27 января 1855 года. Это подтверждается дневниковыми записями современников⁴. На простуду царь не обратил внимания и интенсивно работал в привычном для себя ритме. 31 января он кашлял и жаловался на боль в спине. 2 февраля самочувствие Николая I ухудшилось, появилось «стеснение в груди», одышка, в тот день он не покидал своего кабинета. 4-го числа, несмотря на лихорадку и уговоры врачей, государь посетил смотр гвардейского батальона.

Портрет императора Николая I на коне. 1840 г.

На следующий день он вновь почувствовал лихорадку, боль в боку, сильный кашель. 5–8 февраля Николай не покидал дворца, соблюдал диету и предписания медиков, но, почувствовав себя лучше, сразу же (9 и 10 февраля) поехал на проводы гвардейских батальонов, отправлявшихся на войну. Вечером 10 февраля обострились «подагрические припадки». Утром 11-го врачи уговари-

ли Николая не идти на церковную службу и соблюдать постельный режим. С 12 февраля император не вставал с постели, приступы лихорадки сменялись сильным ознобом. 13–16 февраля состояние больного не улучшилось, врачи зафиксировали воспаление нижней доли правого легкого. Он жаловался на «подагрические боли». 17-го усилилась лихорадка, врачи впервые заговорили о

возможности смертельного исхода. 18 февраля Николай I скончался от паралича (отека) легких⁵.

Некоторые исследователи, чтобы подчеркнуть неожиданный исход болезни императора, склонны сокращать ее продолжительность. Это, по их мнению, подкрепляет доводы в пользу версии о самоубийстве⁶. Между тем продолжительность болезни Николая устанавливается точно – более трех недель (с 27 января по 17 февраля), прежде всего, по камер-фурьерским журналам и другим фондам РГИА⁷.

В русских газетах появились бюллетени о состоянии здоровья императора. Бюллетени № 1 и 2 опубликованы 18 февраля 1855 года. В первом документе сообщалось, что 13 февраля «Его Величество заболел лихорадкой», во втором – о состоянии больного на 11 часов вечера 17 февраля. Опубликованный 19 февраля с информацией за вчерашний день бюллетень № 3 говорил об «опасном» состоянии здоровья императора. 21 февраля вышел манифест о смерти Николая I. Задержки с публикациями объяснялись тем, что описание болезни лейб-медик М. Мандт вел на немецком языке и требовалось время на перевод. К тому же 20 февраля было воскресенье и газеты не выходили. Очевидно лишь отсутствие оперативности власти и прессы.

По мнению сторонников версии самоубийства Николая I, к этому привели неудачи русской армии в Крыму. Оказавшись на грани нервного срыва после прибытия курьера с новостями об очевидном поражении в Евпатории, царь будто бы принял решение умереть. Действительно, поражения сказались на эмоциональном состоянии императора. А.Ф. Тютчева отмечала, что государь плакал: «Его нервы в самом плачевном состоянии»⁸.

Факты говорят, что преувеличивать значение известий о случившемся под Евпаторией не стоит. Надеясь на лучшее, царь готовился к худшему. В письмах, датированных началом февраля 1855 года, Николай I указывал генерал-адъютанту М. Д. Горчакову и фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу на возможность «неудачи в Крыму», на необходимость тщательной подготовки обороны Николаева и Херсона. Неудача с штурмом Евпатории

нанесла болезненный удар по престижу страны, но никак не являлась событием, предопределившим поражение в войне. Судьба кампании зависела от защитников Севастополя, продолжавших сражаться до осени 1855 года.

Существовало обстоятельство, на которое практически все исследователи не обращали внимания: глубочайшая религиозность царя. В делах веры (как и в других фундаментальных вопросах) царь с присущим ему педантизмом придавал большое значение принципиальным догмам христианства. Самовольный уход из жизни – «смертный грех», превосходящий по тяжести убийство, и император с давно сложившейся системой жизненных координат никогда не осмелился бы через нее переступить.

Близкий к государю флигель-адъютант В. И. Ден отвергал предположения о самоубийстве: «Кто знал близко Николая Павловича – не мог не оценить религиозного чувства, которое его отличало, и которое, конечно, помогло ему с христианским смирением перенести все удары судьбы, как бы тяжки, как бы чувствительны для его самолюбия они ни были»⁹. Следует согласиться с выводом писателя и историка А. Труайя, утверждающего, что для самоубийства Николай I был «слишком набожен». Но, рассуждая подобным образом, литератор не смог преодолеть писательский вымысел и переместил суицидальные устремления Николая I из сферы сознательного выбора в область подсознательного! Якобы простуженный император пренебрег советами врачей и в сильные морозы специально устроил смотр войскам для реализации желания «ускорить ход событий, не прибегая все же к самоубийству»¹⁰.

Если отказаться от «заданности» в изучении проблемы, становится ясно, что в поведении Николая I нет ничего необычного. Император относился к типу пациентов, которые пренебрегают рекомендациями врачей, предписанный режим не соблюдают, переносят болезнь «на ногах». Это подтверждается многими свидетельствами. В конце 1847 года Николай «разнемогся» так, что с трудом передвигался из-за боли в суставах, уложить его в постель сумели только после

долгих уговоров. Зимой 1849 года произошла история, повторившаяся ровно через шесть лет: Николай сильно простудился на маскараде в театре, и лейб-медик Ф. Каррель, «несмотря на жестокие страдания больного, никак не мог уговорить его лечь в постель». Во время смертельной болезни великого князя Михаила Павловича (1849) царь регулярно посещал брата, превозмогая тяжелейшие приступы головной боли и тошноты. Чтобы помочь царю, его голову постоянно смачивали одеколоном и уксусом¹¹. Плановые медицинские осмотры оборачивались формальностью. Ассистент лейб-медика Н. Ф. Арндта вспоминал, что они «обязаны были являться к государю к 7–8 часам утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор»¹².

К роковой развязке последней болезни привели два главных обстоятельства: легкомыслие Николая I в процессе лечения и халатность придворных медиков, прежде всего – Мандта, который являлся единственным врачом, заслужившим абсолютное доверие царя. Как известно, Николай I был на редкость постоянен в привязанностях и доверял своим любимцам даже тогда, когда они этого не заслуживали. Коллеги Мандта отзывались о нем как о человеке умном, хитром и одновременно отмечали в нем карьеризм, категоричность в суждениях, а также недостаточность профессиональной подготовки. В биографии лейб-медика отмечен период увлечения магической практикой и «магнетизмом» (гипнозом). Мандт создал печально известную лечебную систему, так называемую «атомистическую методу», которая не получила признания ни в научных кругах, ни у практиков и была развенчана сразу после смерти его высочайшего покровителя. Суть «системы» заключалась в модном тогда пользовании пациентов «водами», диетами, резком уменьшении лекарственных доз. Мандт практиковал свое лечение даже в случаях, требовавших энергичного врачебного вмешательства, в том числе хирургического.

Заболеванию царя медик не придал должного значения, поскольку речь шла о «легком гриппе»,

эпидемия которого охватила весь Петербург. Исторические документы объективно подтверждают наличие в Санкт-Петербурге в то время сильной эпидемии гриппа. По описаниям специалистов, заболевания у горожан протекали тяжело, с большой смертностью, обусловленной наступавшим после гриппа воспалением легких¹³. Вина Мандта заключалась в неумении настоять на соблюдении государем постельного режима. Врач верно диагностировал болезнь, но его хваленая «атомистическая метода» при быстро прогрессирувавшем тяжелом заболевании положительного результата не принесла. Рецепт лекарств была изменена лишь накануне смерти, когда к лечащим врачам присоединился профессор И. В. Енохин, но было поздно.

Единственное «авторское» свидетельство, говорящее в пользу версии об отравлении, – воспоминания А. В. Пеликана, внука директора Медицинского департамента и начальника Медико-хирургической академии В. В. Пеликана: «В день смерти Николая дед заехал по обыкновению к нам, был крайне взволнован и говорил, что император плох, что его кончины ждут с часу на час. Вскоре после отъезда деда явился из департамента неожиданно отец и объявил, что императора не стало. Отец был сильно взволнован, глаза его были заплаканы, хотя симпатий к грозному царю он, по складу своего ума и характера, чувствовать не мог <...> Вскоре после смерти Николая Мандт исчез с петербургского горизонта. Впоследствии я не раз слышал его историю. По словам деда, Мандт дал желавшему во что бы то ни стало покончить с собой Николаю яду <...> О вскрытии тела покойного императора он (прозектор Венцель Грубер. – *Авт.*) не преминул составить протокол и, найдя протокол этот интересным в судебно-медицинском отношении, отпечатал его в Германии. За это он посажен был в Петропавловскую крепость...»

Рассказ, казалось бы, вызывает доверие правдоподобными подробностями и ссылками на конкретных лиц. Видимо, поэтому свидетельство А. В. Пеликана постоянно используется поклонники «суицидной» версии, избегая его анализа. Между тем данный источ-

Император Николай I.
Худ. Э. Верне

ник нуждается в критике гораздо более других. В семье Пеликанов придерживались либеральных взглядов: не питал симпатий к царю Пеликан-отец, равно как и сын. Именно в либеральных кругах версия самоубийства императора получила наибольшее распространение. «Прямой речью» ее излагали А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов и другие публицисты демократических убеждений. Самоубийство Николая Павловича для «прогрессивной общественности» было «доказательством» порочности политической системы, которой он придерживался 30 лет¹⁴.

В сочувственном по отношению к Николаю I дневнике А. Ф. Тютчевой есть запись: «Говорят об отравлении, уверяют, что партия, враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, одним словом, тысячи нелепых слухов, какие часто возникают в моменты кризисов, слухов, которым верят массы, всегда жадные до всего необычайного и страшного. Для них все представляется возможно, кроме того, что действительно есть»¹⁵. Как это верно и для сегодняшних дней!

Мы категорически отвергаем возможность того, что Мандт, достигший высших придворных должностей, лейб-медик, знавший толк в дворцовой интриге, осведомленный об интимных сторонах жизни императора, мог решиться на такой глупый шаг – признаться

в том, что помог отравиться пациенту. Какие мотивы могли толкнуть лейб-медика на откровенные беседы с Пеликаном? Их нет. Долго живший в России Мандт понимал, что разглашение тайн императорской семьи повлекло бы репрессивные меры. Однако его никто не удерживал, и вскоре он покинул пределы империи. Оказавшись вне России, Мандт опубликовал в Берлине статью о болезни Николая, которая в основном повторяла официальную версию. И все же правительство перепечатку статьи в России запретило, содействуя тем самым распространению разнообразных слухов. Переписка на этот счет двух министров – Императорского двора и Народного просвещения сохранилась в архивном фонде РГИА¹⁶.

Является совсем неправдоподобной и история с В. Л. Грубером. Статья анатома, будто бы напечатанная в Берлине, не обнаружена исследователями до сих пор. Перу Грубера принадлежит более 600 научных работ, опубликованных в России и за рубежом. Однако ни в полной библиографии В. Л. Грубера, хранящейся в музее кафедры нормальной анатомии ВМА, ни в каталогах Фундаментальной научной библиотеки ВМА и в Государственной центральной медицинской библиотеки в Москве, как и в генеральных каталогах библиотек США и ФРГ, статьи Грубера с названием, имеющим хотя бы косвенное отношение к данной теме, обнаружить не удалось¹⁷. А заключение в Петропавловскую крепость... Не выдумка ли это семьи Пеликанов? Установленный факт: фамилия Грубера в списке заключенных Петропавловской крепости не значится. Скорее всего, протокола о вскрытии, составленного Грубером, не существовало, так как оно производилось другими лицами, пишет П. К. Соловьев¹⁸.

К разряду небылиц относятся и сведения Н. К. Мосолова, приведенные в статье И. В. Зимина в подтверждение версии о самоубийстве. Доктор, опираясь на семейное предание, утверждал, что его прадед лейб-хирург К. Ф. Боссе, вскрыв труп Николая I, воскликнул: «Какой сильный яд!», но ему было приказано молчать об этом. И. В. Зимин не нашел имен тех, кто занимался вскрытием, но предположил, что Боссе, как лейб-хирург,

мог находиться среди них¹⁹. Между тем список лиц, присутствовавших при вскрытии, записан в камер-фурьерском журнале и других архивных документах, фамилия Боссе в них не упоминается²⁰.

Сторонники версии самоубийства манипулируют еще рядом обстоятельств, требующих исследования. Настораживающий момент – бальзамирование императора проводилось дважды. Полковник Генерального штаба И. Ф. Савицкий объяснял интенсивное разложение тела продолжавшимся действием яда. Как и Пеликан-младший, Савицкий утверждал, что о просьбе царя «выписать» яд ему поведал лично... Мандт! Ни опровергнуть, ни подтвердить этого лейб-медик уже не мог, поскольку скончался за границей в 1858 году. Савицкий в мемуарах живописал: «желтые, синие, фиолетовые пятна», «черты лица, сведенные судорогой». По его словам, Александр II, увидя отца обезображенным, вызвал профессоров Медико-хирургической академии Здеканера и Мяновского и «повелел им любым путем убрать все признаки отравления, чтобы в надлежащем виде выставить через четыре дня тело для прощания. Ведь эти фатальные признаки подтверждали бы молву, уже гулявшую по столице, об отравлении императора». Медики «буквально перекрасили, подретушировали лицо, и его тело надлежащим образом уложили в гроб», обложив ароматическими травами²¹.

На этом отрывке основывается претендующая на сенсационность работа А. Ф. Смирнова²². Но излияния мемуариста переполнены грубейшими ошибками. О мифической откровенности Мандта не стоит повторяться. Профессора Н. Ф. Здекауэр (фамилию которого исковеркал Савицкий) и И. И. Мяновский были терапевтами и бальзамированием никогда не занимались. Признаки разложения проявились не до консервирования трупа, а после него, и тогда бальзамирование пришлось повторить. Интересна судьба И. Ф. Савицкого – участника польского восстания 1863–1864 гг., политического эмигранта, называвшего императора «страшилищем в огромных ботфортах с оловянными пулями вместо глаз»²³. «Не в этом ли ключ» к его измышлениям?

В дневнике А. Ф. Тютчевой дано иное толкование событий: Николай I «сделал распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло, заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии и выпускается туда электрический ток». Прощание с императором происходило в небольшом помещении, где скапливалось много народа, желавшего проститься с царем, и стояла «жара почти нестерпимая»²⁴. В записи Тютчевой есть неточность, обусловленная некомпетентностью в области медицины. Бальзамирование по системе Ганоло* подразумевало введение в труп антисептических растворов без вскрытия тела. Грубер пунктуально следовал предписаниям этого новаторского метода, но останки императора подверглись интенсивному разложению²⁵. В России к середине XIX века успешно применялись лишь способы бальзамирования, связанные с предшествующим вскрытием тела и освобождением его полости от внутренних органов²⁶. Профессорам П. А. Нарановичу и И. В. Енохину пришлось экстренно бальзамировать тело Николая повторно. Для Грубера эта история закончилась без каких-либо последствий. Все участники первичного бальзамирования были награждены (см. Указание графа Адлерберга министру финансов от 12.03.1855²⁷), что полностью опровергает рассказ Пеликана-младшего о заключении анатома в Петропавловскую крепость...

* * *

Таковы краткие факты, относящиеся к аргументации разных версий смерти Николая I. Готовя к печати книгу «Романовы. Давно забытые черты...» (2009) мы еще раз проверили материалы фондов и описей РГИА, где могли бы отложиться документы, на поиск которых были направлены усилия нескольких поколений исследователей: протоколы осмотра, вскрытия и бальзамирования тела императора. Но только сейчас поиск увенчался успехом! Приводим только первый из документов, поскольку

он ранее не публиковался²⁸; заглавия он не имеет.

«1855 года февраля 19 дня в девять часов по полудни мы нижеподписавшиеся, по Высочайшему повелению, собрались в присутствии Господина Министра Императорского Двора для бальзамирования тела в Бозе усопшего Государя Императора Николая Павловича.

*По предварительном наружном осмотре тела, на котором мы не нашли никаких особенных знаков (выделено авторами), за исключением изменения кожи от приложения пластыря шпанских мух на двух местах: на верхней правой стороне груди и под нижним углом правой лопатки***, и красноты кожи на боковых частях лба и на висках от предшествовавшего частого прикладывания ароматического спирта***, приступлено было к бальзамированию тела, которое исполнили под нашим надзором Императорской Медико-хирургической Академии Прозекторы Грубер и Шульц по усовершенствованному способу Ганала.*

*доктор Ф. Карелль
лейб-хирург (И.) Енохин
лейб-медик М. Мандт
лейб-медик Э. Рейнгольд
лейб-медик М. Маркус.*

Все подписи являются подлинными автографами, столь хорошо известными авторам этой статьи по многолетнему изучению медицинских документов РГИА. Внизу листа еще один автограф: «При сем присутствовал и вышеизложенное свидетельствую, Министр Императорского Двора Граф Адлерберг». В левом верхнем углу листа его же почерком: «Должено Его Величеству 21 февраля 1855 года».

О том, что происходило дальше, свидетельствует еще один ранее неизвестный исследователям документ. Итак, в архивном деле РГИА, озаглавленном «О рассмотрении Акта бальзамирования тела в Бозе Почившего Императора Николая Павловича и о награждении некоторых лиц за труды по бальзамированию тела Его Величества»²⁹, авторами обнаружены два листа

* Ганналь Жан Николая (1791–1859) – французский химик, автор первой в мире научной монографии «История бальзамирования». Лауреат премии Монтиёна (1827, 1836) за новые методы лечения больных и бальзамирования трупов.

** *** Широко распространенные в то время способы лечения воспаления легких и головной боли.

тонкой писчей бумаги, с обеих сторон заполненной трудночитаемым, просвечивающим с оборота текстом, исполненным частично по-немецки, частично – по-латыни. Сложность дешифровки для современного читателя заключается в том, что применен старонемецкий (или готический) шрифт, бывший в употреблении со времен Средневековья и впоследствии усовершенствованный берлинским рисовальщиком Л. Зюттерлином (1865–1917).

Итак, перед вами оригинальный перевод документа, выполненный авторами (в современной литературной редакции, слова в скобках внесены при переводе).

«Бальзамирование трупа Государя Его Величества блаженной памяти Императора Николая I в виде единичных инъекций без вскрытия.»

Бальзамирование было сделано следующим образом: на шею в верхне-грудно-ключичной области, т. е. в яремной выемке над концом ключицы, был сделан вертикальный разрез, соединенный крестообразно с аналогичным вторым (разрезом). Разрезы описывают фигуру ⊥⊥. (Это) было сделано, чтобы сразу войти в сонные артерии, пищевод и трахею. Как пищевод, так и трахея с помощью шприца большого калибра были заполнены раствором сулемы. Большое количество этого раствора в легких, в желудке, тонкой кишке является необходимой мерой (бальзамирования). Трупные пятна на задней поверхности от головы до пяток, судя по их размеру и интенсивности, свидетельствовали о начале гнилостных процессов, и (они) должны были быть ограничены таким образом.

В правую общую сонную артерию (в направлении) вниз было введено, насколько (возможно), большое количество хлористого цинка (1:12), так, чтобы (приоритетно) заполнить (этот сосуд). Также была выделена правая паховая артерия, и этот же раствор в количестве трех анатомических шприцов среднего объема введен в сосудистую систему для заполнения капилляров и вен. В (правую?) общую сонную артерию (в направлении) вверх введен мастиковый лак цвета киновари для просветления кожи лица. Такие инъекции предпринимаются при любом (способе) бальзамирования. Носовая полость, полость рта,

гортань и глотка были промыты инъекциями одеколона, затем заполнены ватой, смоченной в эфирных маслах. Мочевой пузырь был заполнен раствором хлорного цинка... * Затем указанные жидкости удалены, кишка промыта и заполнена ватой, пропитанной бальзамом. Образовавшиеся вследствие бальзамирования искусственные раны заполнены порошком (гипса) и ватой, пропитанной эфирными маслами, а затем тщательно зашиты. Тело после инъекции обмыли ароматическим спиртом, протерли порошком квасцов и завернули в бинты, смоченные в растворе сулемы. Бальзамирование длилось с 10 часов (полудни) и до 3³/₄ часа после полуночи, было завершено с максимальной точностью и усердием. Мы попросили поместить тело в возможно наиболее прохладное место. Таким же образом, но со вскрытием и с положительным результатом Доктором Грубером было выполнено бальзамирование тела Его Императорского Высочества Герцога Лейхтенбургского и новорожденного Принца Мекленбург-Стрелицкого, доктором Шульцем – тела Ее Императорского Высочества Великой Княжны Александры Александровны.

По изменениям, которые произошли с телом Государя к 21 февраля, есть основания полагать:

1. Искусство бальзамирования, как правило, не рассматривается в качестве средства, всегда гарантирующего успех. Оно не имеет широкого распространения, и владеют им немногие. 2. Успех (бальзамирования) зависит в значительной степени от строения тела, возраста, степени упитанности, наличия острых или хронических заболеваний, и т.д. 3. Надежность бальзамирования на более или менее длительный срок зависит от ранее выполненного вскрытия с удалением внутренностей и более распространенного объема бальзамирования. По данному случаю не представлялось возможным выполнить полное вскрытие. 4. Внезапное повышение погодной температуры (воздуха) от -20° до +2° не должно остаться без рассмотрения. Не следует упускать из вида влияние этого изменения на быстрое развитие газообразования в полостях и подкожной клетчатке.

* По деонтологическим соображениям две фразы текста протокола удалены. – Авт.

21 февраля 1855 г.

Доктор медицины и хирургии,
прозектор Анатомического
института
Медико-хирургической
академии Венцель Грубер
Второй Прозектор Г. Шульц

Сравнительный анализ текста и подписей³⁰ позволяют утверждать, что документ исполнен собственноручно Венцелем Грубером. Таким образом, мы имеем дело с подлинником. Со всей ответственностью можно констатировать: вскрытия тела государя не было потому, что для консилиума врачей (из них пять профессоров), осматривавших тело государя, не было никаких сомнений о причине смерти – воспаления легких. Это обосновывалось, во-первых, типичностью развития постгриппозной пневмонии с классической клинической симптоматикой и, во-вторых, подробным наружным осмотром тела государя после смерти.

Руководства по судебной медицине указывают, что и при таком способе исследования можно обнаружить многие признаки отравления: необычность окраски кожных покровов и слизистых оболочек, ускорение или замедление в развитии и разрешении трупного окоченения, необычный цвет трупных пятен, чрезмерное расширение или сужение зрачков, инородный запах и необычные выделения из дыхательных и иных путей. Таким образом, для нарушения пожелания государя об отказе от полного вскрытия никаких оснований не было.

Реакция Александра II на неудачные медицинские манипуляции с телом покойного императора последовала мгновенно. Предписанием № 546 от 22 февраля 1855 года министр Императорского двора потребовал от директора медицинского департамента Военного министерства «собрать лучших из находящихся здесь хирургов и поручить им рассмотреть акт бальзамирования; о заключении их уведомить меня для доклада Государю Императору». Созданной комиссией в составе профессоров Пеликана, Заблоцкого, Зинина, Ракицкого, Нарановича были изучены акт

осмотра тела, протокол бальзамирования, рецепты, оформленные Грубером, по которым из придворной аптеки были отпущены растворы для бальзамирования³¹. 25 февраля 1855 года Комиссия пришла к выводу, что «...так как внутренности оставлены неприкосновенными, к бальзамированию же приступлено спустя значительное после смерти время, то употребленный прозекторами способ мы считаем <...> соответствующим современному состоянию науки...»³². П. А. Наранович высказал свое отдельное мнение в «Записке о неудаче при бальзамировании тела...»³³ Оценка этого с точки зрения научной логики, блестяще построенного пространного документа заслуживает отдельной статьи. Мы же ограничимся лишь отрывком, дающим представление о высочайшем анатомическом уровне П. А. Нарановича: «...открыть разрезом всю переднюю часть шеи с ключицами до хода глубоких жил, с обеих сторон, и до пищевого горла, разрезавши при этом множество кровяных жил разной величины, влить потом жидкость в сонную артерию, значит черпать воду решетом – вливаемая жидкость тут же выливается назад...»

Заключение было убийственным для Грубера и Шульца: «...неудачу бальзамирования тела <...> следует приписать: 1) незнанию дела и неопытности в анатомических работах, и весьма вероятно, 2) неудачной смеси употребленных для работы химических составов...» Было решено произвести повторное бальзамирование, при этом руководство работ возложить на П. А. Нарановича. Детальных документов о выполненных мероприятиях нет, известно лишь, что они производились уже в помещении Петропавловского собора в ночное время, когда прекращался выпуск прощавшихся с императором. Участники работ поименно названы в соответствующем деле³⁴ об оформлении пропусков в собор (лейб-хирург Енохин, профессор Наранович, лейб-акушер Шольц, прозекторы Грубер и Шульц, лекарские помощники Кононов и Кузмин). Процесс гнилостной трансформации был остановлен, но, увы, стал одним из оснований суждения об отравлении государя. Вскрытия же тела не было: как в связи с пожеланием государя,

так и в связи с полной очевидностью причины смерти.

Итак, суммируя всю информацию из документов, изложенных выше, можно утверждать следующее. Совершенно очевидно с врачебной точки зрения, что угнетенное состояние императора, о котором так много писали современники, совсем не свидетельствует в пользу версии о суициде. Такие психические реакции постоянно наблюдаются при заболеваниях, сопровождающихся общей интоксикацией, например, при вирусных инфекциях, в том числе гриппе, осложнившимся воспалением легких, которое, судя по симптомам, незадолго до смерти

несомненно перенес Николай I. Причем яркие и бесспорные признаки тяжелой, закономерно прогрессирующей пневмонии описаны настолько четко и образно, что не могут вызвать сомнения в диагнозе у любого, даже начинающего профессиональный путь врача. Быстрое развитие гнилостной трансформации трупа также характерно для смерти от заболевания с массивным микробным поражением внутренних органов (в данном случае – легких). Непрофессиональное первое бальзамирование тела не остановило посмертные процессы и способствовало распространению слухов об «отравлении».

¹ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001; Горелова Л. Е. Легенды о смерти Николая I // Российский медицинский журнал. Т. 13. № 22. 2005. С. 1506–1508; Зимин И. В. Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4. С. 57–64; Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005; РГИА. Ф. 472. Оп. 9. Д. 5. 1855 г., др.

² Корф М. А. Записки. М., 2003.

³ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Т. 2. М., 1997.

⁴ Блудов Д. Н. Последние дни жизни Императора Николая Первого. М., 1992; Корф М. А. Указ. соч.; Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005, и др.

⁵ Выскочков Л. В. Указ. соч.; Молин Ю. А. Романовы. Давно забытые черты... СПб.: Logos, 2009; Соловьев П. К. «Евпатория в легких. К загадке смерти Николая I» // Вопросы истории. № 9. 2008. С. 109–121.

⁶ Горелова Л. Е. Указ. соч. С. 1506–1508; Николай I: личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007; Труайя А. Николай I. М., 2002, и др.

⁷ Молин Ю. А. Романовы. Давно забытые черты... СПб.: Logos, 2009.

⁸ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990.

⁹ Нахапетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М.: Вече, 2005.

¹⁰ Труайя А. Николай I. М., 2002.

¹¹ Выскочков Л. В. Указ. соч.; Молин Ю. А. Указ. соч.; Нахапетов Б. А. Указ. соч.; Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

¹² Нахапетов Б. А. Указ. соч.

¹³ Молин Ю. А. Указ. соч.

¹⁴ Эйфельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1984.

¹⁵ Тютчева А. Ф. Указ. соч.

¹⁶ РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (13/980). Д. 12. 1855 г.

¹⁷ Нахапетов Б. А. Указ. соч.

¹⁸ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

¹⁹ Зимин И. В. Указ. соч. С. 57–64.

²⁰ Молин Ю. А. Указ. соч.

²¹ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

²² Смирнов А. Ф. Загадочная смерть Николая I // Дорогами тысячелетий. 1991. Вып. 4. С. 134–160.

²³ Соловьев П. К. Указ. соч. С. 109–121.

²⁴ Тютчева А. Ф. Указ. соч.

²⁵ Нахапетов Б. А. Указ. соч.

²⁶ Кузнецов Л. Е., Хохлов В. В., Фадеев С. П., Шигеев В. Б. Бальзамирование и реставрация трупов: Руководство. М., 1999; Пеликан А. В. Перемена царствования // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 120–121 и др.

²⁷ РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (13/980). Д. 12. 1855 г.

²⁸ Там же. Л. 4.

²⁹ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 741. 1855 г.

³⁰ Томили В. В. Основы судебно-медицинской экспертизы письма. М.: Медицина, 1974.

³¹ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 741. 1855 г.

³² Там же. Л. 13–14.

³³ Там же. Ф. 472. Оп. 9. Д. 5. Л. 404–410.

³⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 742. 1855 г.